

Т. В. Солодовникова

УДК 81'42; 801.7; 316.77:001.8; 070:001.8

Кафедра романских языков, факультет международных отношений,
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

СПЕЦИФИКА МАНИПУЛИРОВАНИЯ КАК ОДНОГО ИЗ ТИПОВ ЯЗЫКОВОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РЕЧЕИСПОЛЬЗОВАНИЯ В КОНЦЕПЦИИ Л. ДЕ СОССЮРА

В статье представлен подход Л. де Соссюра к проблеме манипулятивного дискурса, который разнится с общепринятыми положениями, сложившимися в рамках дискурс-анализа, когнитивистики и социальных наук: при анализе манипулятивного дискурса исследователь должен обращаться не только к процессам понимания, но анализировать комплексный путь от понимания к вере. Представленные стратегии, используемые манипулятором с целью не допустить проверку на истинность, правдоподобность, приемлемость и непротиворечивость, прежде всего связаны с необходимостью предотвратить идентификацию манипулятивных намерений говорящего.

Ключевые слова: дискурс-анализ, манипулирование, стратегии, адресат, намерение.

Образец цитирования: Солодовникова Т. В. Специфика манипулирования как одного из типов языкового функционирования и речеиспользования в концепции Л. де Соссюра // София: электрон. науч.-просветит. журн. 2021. № 1. С. 47–51.

T. SaladounikavaDepartment of Roman languages, faculty of international relations,
Belarusian State University, Minsk, Belarus

SPECIFICS OF MANIPULATION AS ONE OF THE TYPES OF LANGUAGE FUNCTIONING AND SPEECH USE IN THE CONCEPT OF L. DE SAUSSURE

The article presents L. de Saussure's approach to the problem of manipulative discourse, which differs from the generally accepted positions that have developed in the framework of discourse analysis, cognitive science and social Sciences: when analyzing manipulative discourse, the researcher must address not only the processes of understanding, but also analyze the complex path from understanding to faith. The strategies used by the manipulator to prevent verification of truth, plausibility, acceptability, and consistency are presented, primarily related to the need to prevent identification of the manipulative intentions of the speaker.

Keywords: discourse analysis, manipulation, strategies, addressee, intent.

For citation: Saladounikava, T. (2021). Specifics of manipulation as one of the types of language functioning and speech use in the concept of L. de Saussure. *Sophia*, 1, 47–51 (in Russ.).

А в т о р:

Татьяна Владимировна Солодовникова – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков ФМО БГУ.
tatianasolodovnikova2015@gmail.com

Author:

Tatiana Saladounikava – PhD in philological sciences, associate professor of the Roman languages department, BSU.

Луи де Соссюр – крупный швейцарский лингвист, внучатый племянник Фердинанда де Соссюра (1857–1913), основоположника семиологии и структурализма, идеи которого оказали огромное влияние на дальнейшее развитие науки о языке. Вдохновленный идеями своего выдающегося предка, Луи де Соссюр получил филологическое образование в Женевском университете (там же, где когда-то учился и работал Фердинанд де Соссюр) и в 2000 г. защитил диссертацию, посвященную системе прошедших времен во французском языке в семантико-прагматическом аспекте. Ученый с мировым именем, Луи де Соссюр ведет активную исследовательскую деятельность не только в области теории и методологии исследования значения и его составляющих, но и в русле междисциплинарных изысканий – приемы аргументации в различных типах дискурса, семантические и прагматические эффекты убеждения в речи (пресуппозиции, модальность, дейксис, анафора и т. д.) [1; 2], технологии манипулирования общественным сознанием и формирование современных идеологий [4; 5]. В настоящее время Луи де Соссюр – профессор Университета Невшатель (Швейцария), директор Института наук о коммуникации и познании (Institut des sciences de la communication et de la cognition), приглашенный профессор университетов Женевы, Фрибурга, Лугано, университетского колледжа Лондона, Техасского университета в Остине, Афинского национального университета им. Каподистрии.

Рассмотрение проблемы манипулятивного дискурса через призму вопроса о понимании естественного языка отличается от подходов, сложившихся в рамках дискурс-анализа и социальных наук. В то же время, как против социологического, так и против когнитивного подхода можно выдвинуть определенные возражения, связанные с субъективизмом и «лингвистической интуицией» аналитика, которые наделяют каждый текст той или иной степенью манипулятивности. В этой связи Л. де Соссюр предполагает, что при анализе конкретного манипулятивного дискурса обычный метод прагматики остается неизменным, однако применяется по отношению к ложной, вводящей в заблуждение коммуникации, и, соответственно, должен обращаться не только к пониманию, но и к комплексному пути от понимания к вере (*the complex way that leads from comprehension to believing*) [3, с. 114].

Многие исследователи, рассматривающие сферу манипуляции в контексте лингвистики, дискурс-анализа, психологии или политологии, сталкиваются с размытостью, семантической сложностью и отсутствием четкого определения концепта манипуляции. Это особенно применимо к анализу специфического поведения по отношению к другим индивидам и, в частности, к типу лингвистического и коммуникативного поведения. Манипуляция в отношении человека может подразумевать навязывание ему определенного поведения для достижения цели и удовлетворения интересов манипулятора без учета целей и интересов манипулируемого. Однако тот факт, что индивид, в отличие от вещи, обладает сознанием, позволяющим ему преследовать собственные интересы, вынуждает признать, что манипулированием охватываются только определенные аспекты познания человека, в частности рассуждение, проверка на правдоподобие (*checking for likeliness*), эмоции и др.

Манипулятивный дискурс можно рассматривать как дискурс, продуцируемый с целью убедить адресата в наборе пропозиций определенного типа с использованием определенных стратегий. Цель говорящего достигается, если пропозиции дефективны в истинно-условном или истинно-функциональном плане (*truth-conditionally / truth-functionally defective proposition*), т. е. если они были бы отвергнуты слушателем

при обычных условиях. Цель достигается, когда этот набор пропозиций инкорпорируется в когнитивное окружение (*cognitive environment*) слушателя.

В контексте манипулятивного дискурса манипуляция предполагает использование средств или стратегий, подразумевающих наложение на объект определенных не осознаваемых им ограничений, при отсутствии которых говорящий не сможет изменить убеждения и поведение слушателя. Скрытые стратегии являются необходимым условием манипуляции, позволяющим вызвать у адресата искреннюю приверженность передаваемым дискурсом пропозиций; свобода мысли или ее иллюзия, очевидные или менее очевидные стратегии сами по себе не могут дать такого эффекта.

Что касается непосредственно манипулятивного дискурса, при его трактовке можно ориентироваться на две линии рассуждений, элементы которых, дополняя друг друга, создадут более целостную картину. Первая предполагает отождествление с типом дискурса на основе формальных оснований: либо некоторые языковые формы обнаруживаются только в манипулятивном дискурсе, либо сам манипулятивный дискурс поддерживается уникальным типом структуры. Второй подход – отождествление с типом использования языка – наделяет понятие манипулятивного дискурса признаком интенциональности, указывает на намерение говорящего предложить и утвердить в его сознании предположения, которые были бы отвергнуты последним при нормальных условиях [3, с. 117].

Таким образом, лингвистические и формальные компоненты задействуются говорящим с целью запустить определенные процессы прагматического уровня, чтобы повлиять на умственное состояние слушателя.

Рассматривая пропозиционное содержание манипулятивных высказываний, нельзя не обратить внимание на частое отождествление манипуляции с ложью. Ложь, будучи не менее сложным понятием, не сводится к произнесению пропозиций, которые являются неправдивыми или предполагаются таковыми. Она подразумевает получение некоторой значимой выгоды. В то же время, ложь не всегда манипулятивна; это позволяет говорить о том, что манипуляция связана не только с понятиями лжи и намерения, но и с интересом со стороны слушателя: говорящий произносит высказывание, чтобы заставить слушателя вести себя в соответствии с интересами манипулятора и, возможно, против интересов самого адресата.

Стратегии, используемые манипулятором с целью не допустить проверку на истинность, правдоподобность, приемлемость и непротиворечивость, прежде всего связаны с необходимостью предотвратить идентификацию манипулятивных намерений говорящего [3, с. 126].

Локальные стратегии используются для ограничения интерпретации на уровне обработки высказывания; глобальные участвуют в создании адекватных социальных и психологических условий для получения нерационального согласия. Оба типа стратегий могут быть как лингвистическими, так и нелингвистическими.

Локальные стратегии ориентированы на создание неясности в общем плане: неясная мысль, представленная с большой самоуверенностью (надменностью) и авторитетом, приводит к путанице понятий (противоречивости послания, *double-bind*). Такие стратегии включают в себя пресуппозициональные утверждения (*presuppositional assertion*), среди которых выделяются риторические средства, в частности, риторические вопросы, имеющие значительный эффект за счет весомых пресуппозиций. Неправомерное использование концепций часто встречается в политическом дискурсе, в частности,

когда говорящий ссылается на не существующих на самом деле референтов и, таким образом, утверждает их существование с помощью пресуппозиционных средств (presuppositional means). Немотивированное употребление аналогий, метафор, размытых терминов осложняет расшифровку реальной информации, определяющей дискурс, вследствие чего у слушателя снижается или исчезает способность распознать логические ошибки и другие дефекты дискурса. Неясность также может сыграть на чувстве некомпетентности, возникающем в уме слушателя: последний оказывается в замешательстве, так как не может доверять собственной интуиции в плане бессмысленности дискурса и вместо этого считает себя недостаточно компетентным для его понимания. В письменно выраженном дискурсе прагматический эффект достигается также за счет гарнитуры шрифта, расположения текста на странице, изображений и др.

К известным лингвистическим глобальным стратегиям относятся употребление и повторение специфических коннотативных слов, провоцирующих, при нормальных условиях, пресуппозиции с символическим значением, обобщение новой терминологии, использование аббревиатур, акронимов, чисел. Последняя стратегия, в частности, способствует утрате личной и институциональной индивидуальности, созданию атмосферы обезличенности и принятия ее в качестве конвенциональной и устоявшейся практики.

Нелингвистические глобальные стратегии включают, прежде всего, групповое давление. Другая, более важная в контексте согласия с дефективными высказываниями и аргументами стратегия – достижение манипулятором в сознании слушателя (и в общественном мнении) определенного образа. Экстремальным проявлением этого являлся культ личности в диктатурах XX в. как создание образа наиболее компетентного, гениального человека, высшего ума. В демократических обществах схемы манипуляции были обусловлены процессом убеждения: чем более слушатели уверены в говорящем, тем более они ему верят, так как уверенность ослабляет критическое мышление и затраты энергии (согласно теории релевантности, человеческий разум имеет установку на путь наименьших усилий, а опровержение предположения о том, что говорящий достоин доверия, затратно).

Лингвистические стратегии являются ключевыми для получения манипулятором искреннего согласия. За счёт неясности в широком и глобальном смысле даже те аспекты дискурса, которые кажутся простыми и понятными, вызывают у слушателя проблемы при их интерпретации. Тривиальные аргументы, нарушающие правила логики, приводят к необоснованным обобщениям и способствуют общей неопределенности дискурса, хотя предполагали ясность и рациональность рассуждения.

Феномен манипуляции порождает вопрос о том, почему слушатели, обладая рациональными средствами, перестают корректно их использовать для распознавания намерений манипулятора. Теория релевантности выделяет два уровня намерений говорящего, которые необходимо признать слушателю для осуществления процесса интерпретации:

- 1) распознавание коммуникативного намерения говорящего, его стремления сообщить информацию адресату, что порождает ожидание релевантности;
- 2) прагматическое обогащение (формирование набора предположений о значении, которое говорящий вкладывает в высказывание).

Согласно Л. де Соссюру, процесс получения логических выводов продолжается с целью выявить другие типы информации (цели говорящего и последствия в общении),

если адресат имеет основания предполагать релевантность последствий этого взаимодействия, таких как обогащение его знания о реальности или избежание рискованной ситуации в самом взаимодействии. Данная информация должна подвергнуться оценке, так как впоследствии она будет принята как убеждение или отвергнута [3, с. 136].

Вопросы возникают и по поводу причин, по которым манипулятивное намерение не распознается слушателем несмотря на очевидные или достаточные основания подозревать манипулирование. С когнитивной точки зрения, обычные познавательные способности просто эксплуатируются манипулятором. Учитывая, что слушатель презюмирует релевантность высказывания и начинает обработку информации, отрицание высказывания становится более затратной операцией. Возникает проблема когнитивного диссонанса, что активно используется в практике маркетинга по телефону, когда сотрудники начинают общение с потенциальным потребителем вопросом, ответ на который будет, скорее всего, утвердительным.

Интуитивное осознание феномена манипуляции также объясняет тот факт, что индивид иногда предпочитает избежать подобной речи (будто следуя рефлексу самозащиты), чтобы не подвергнуться убеждению, так как, в конечном счете, сложно сопротивляться продолжительной убедительной речи, в частности при недостатке интеллектуальных средств критической оценки (особенно при недостаточной образованности). Очевидно, что осведомленность людей о некоторых ключевых механизмах манипулирования уменьшает их подверженность манипуляции.

Библиографические ссылки

1. *De Saussure, L.* Background relevance / L. de Saussure // *Journal of Pragmatics*. – 2013. – № 59. – P. 178–189.
2. *De Saussure, L.* Des mots et des couleurs. Essai de linguistique / L. de Saussure. – Paris: Hermann, 2017. – 260 p.
3. *De Saussure, L.* Manipulation and cognitive pragmatics: Preliminary hypotheses / L. de Saussure // *Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century: Discourse, Language, Mind*. – 2005. – P. 113–146.
4. *De Saussure, L.* Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century. *Discourse, Language, Mind* / L. de Saussure, P. Schulz. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005. – 329 p.
5. *Morency, P.* Explicitness, implicitness and commitment attribution: A cognitive pragmatic approach / P. Morency, S. Oswald, L. de Saussure // *Belgian journal of linguistics*. – 2008. – № 22. – P. 197–220.

Статья поступила в редколлегию 06.02.2021.